

Он был одет в безупречный дорогой наряд, словно только что вернулся откуда-то, и когда он вошел в комнату с серьезным лицом, от него еще веяло ночной прохладой.

Убедившись, что дверь плотно закрыта, Му Цюаньсун вздохнул:

— Только что император вызывал меня и еще нескольких высокопоставленных сановников. Наследный принц официально лишен своего статуса. Император дал нам несколько важных указаний, прежде чем отпустить, но, уходя, я слышал, как он приказал позвать третьего принца.

— Третий принц действует весьма расчетливо, и я уже принял решение. Я пришел к тебе, чтобы предупредить: впредь в общении с третьим принцем будь осмотрительнее.

— Я слышал от слуг, что ты утром снова устроил ему сцену?

Тон Му Цюаньсуна был не слишком суров, и Му Цинли, помолчав, не ответил.

Затем отец продолжил уже более наставительным тоном:

— Ты молод и горяч, с детства избалован и не привык, чтобы тебе перечили. Третий принц терпит твои выходки лишь отчасти из уважения к клану Му, что стоит за твоей спиной. Но как только наш клан перестанет представлять для него ценность, все может измениться.

Му Цинли не ожидал, что Му Цюаньсун видит ситуацию так проницательно.

— Короче говоря, раз уж ты привязан к третьему принцу и решил его поддерживать, то в будущем относись к нему как к высокопоставленному гостю, служи ему прилежно и не смей задевать его самолюбие.

Му Цюаньсун знал характер сына: всякий раз, когда речь заходила об искренности Е Фанчэна, Му Цинли начинал спорить, упрямо доказывая, что тот вовсе не интриган, и просил не судить благородного человека по меркам низости.

Но предупредить было необходимо: разве может тот, кто достиг нынешнего положения, быть чист, как белый лист?

— Хорошо, я понял.

К удивлению Му Цюаньсуна, Му Цинли на этот раз не стал спорить, а послушно согласился.

Увидев это, Му Цюаньсун, напротив, забеспокоился:

— Сын, вы что, поссорились с третьим принцем?

— Нет, отец, не волнуйся, у нас прекрасные отношения, — мягко ответил Му Цинли и тут же поинтересовался: — Кстати, ты ведь только что был у императора? Что с наследным принцем... братом? Он совершил какой-то непростительный проступок?

Му Цинли, которому на самом деле было несколько сотен лет, было крайне непривычно называть этих двадцатилетних юношей слащавым словом брат.

Однако в памяти Му Цинли был именно таким мягким и податливым человеком. Он был знаком не только с Е Фанчэном, но и с наследным принцем Е Фанцзином. Просто Е Фанчэн действовал куда искуснее, умел радовать Му Цинли и постоянно напоминал о себе, поэтому

они стали ближе.

В глазах окружающих их отношения даже казались слегка двусмысленными.

Му Цюаньсун, не подозревая подвоха, понизил голос:

— Говорят, это обвинение в разврате в гареме. Его застали в постели с молодой наложницей императора. Свидетелей было много, так что от этого клейма не отмыться, даже если прыгнуть в Желтую реку.

— К тому же слухи уже вышли за пределы дворца. Император в ярости, он считает, что это позорит его достоинство, и в гневе издал указ о лишении его статуса наследника.

Му Цинли нахмурился.

Хотя в последние годы репутация Е Фанцзина была не лучшей, сколько бы он ни копался в своих воспоминаниях, принц совсем не походил на человека, способного на столь постыдные поступки.

— Соблюдение ритуалов для государства — все равно что весы для определения веса или отвес для проверки прямоты, — пробормотал он.

— Благородный муж должен свято чтить правила приличия, не подрывать устои и не нарушать общественные нормы. Истинный муж никогда не переступит черту. Лучше стерпеть великие муки или идти трудным путем, но не преступать черту — только так можно завоевать доверие Поднебесной.

Му Цинли долго вспоминал, пока из глубин памяти не всплыл образ юного Е Фанцзина, который много лет назад терпеливо объяснял ему свои взгляды на жизнь.

Честно говоря, принц, статный и рассудительный, оставил у него вполне приятное впечатление.

Просто прежний Му Цинли был настолько очарован Е Фанчэном, что не обращал внимания на остальных, все его мысли были заняты лишь им одним.

При мысли о том, что человек, совершивший такую глупость, вполне мог быть частью его собственного Изначального духа, лицо Му Цинли помрачнело.

— Я не думаю, что принц способен на такое, — сказал он.

Му Цюаньсун посмотрел на него со смесью сочувствия и досады, а затем покачал головой:

— В борьбе за трон все средства хороши.

— Истина уже не имеет значения, император это понимает. Но лицо важнее всего. Раз мир решил, что это правда, значит, так оно и есть. Даже если сохранить за принцем титул, народ не примет его.

Казалось, участь принца была решена. Как и предсказывал Му Цюаньсун, старый император начал передавать власть Е Фанчэну. Последний в эти дни был невероятно занят, и с того самого дня на озере Му Цинли больше не видел принца.

Му Цинли подумал, что, раз цель приближения к нему достигнута, необходимости

наведываться в его особняк у того больше нет.

Лишь спустя десять с лишним дней, когда Е Фанчэн укрепил свои позиции и добился расположения большинства сторонников, у него появилось свободное время, и он вспомнил о Му Цинли.

— Третий принц приглашает меня во дворец? — когда служанка радостно принесла весть, Му Цинли сидел в комнате с книгой, пытаясь как можно больше узнать об этом мире.

Заодно он искал подсказки, которые помогли бы ему расправиться с нерадивым учеником.

— Да, стража принца уже ждет у ворот с каретой, — улыбаясь, ответила служанка, ее личико покраснелось, словно она ожидала чего-то особенного.

Му Цинли невольно улыбнулся, в его глазах блеснула искра радости:

— Хорошо, я сейчас же отправлюсь.

Предстоящая встреча с маленьким учеником действительно вызвала у Му Цинли прилив воодушевления.

Кстати, если он прихватит с собой кинжал, ведь ничего страшного не случится?

Неизвестно, то ли из-за того, что отношения Е Фанчэна и Му Цинли были всем известны, то ли из-за того, что его спокойная внешность внушала доверие, но дворцовая стража даже не стала его обыскивать.

Е Фанчэн пригласил Му Цинли в свои покои.

— А-Ли, я так по тебе скучал.

Едва Му Цинли в сопровождении евнуха переступил порог роскошного дворца Е Фанчэна, как тот, словно любовник, не видевший своего предмета обожания долгие годы, нетерпеливо бросился к нему и крепко обнял.

Му Цинли мгновенно окутала волна тепла и тонкий цветочный аромат.

Прижавшись к груди Е Фанчэна, он слегка дрогнул веками.

Запах Е Фанчэна был очень похож на запах его маленького ученика: резкий, пронзительный аромат был разбавлен легкой ноткой снежной свежести.

Это был запах, который, как ему казалось, он любил с самого рождения; он всегда успокаивал его беспокойный нрав, словно этот аромат был создан специально для него.

— А-Ли, — раздался над головой низкий голос Е Фанчэна, пропитанный густой привязанностью.

На мгновение Му Цинли показалось, что в голосе Е Фанчэна прозвучала искренняя нежность.

Но тишина в сознании холодно напомнила о том, что этот человек — подлец, который только что его предал.

— Ты умеешь говорить что-то еще, кроме этого? — спустя долгое время тихо произнес Му

Цинли, сам не заметив, как в его голосе проскользнул холод.

Когда Е Фанчэн был еще его маленьким учеником, он тоже любил так же тепло обнимать его после долгих разлук, повторяя те же слова.

Тогда Му Цинли чувствовал тепло, а теперь эти слова казались ему фальшивыми.

— ...Что? — Е Фанчэн замер, медленно отстранился и на мгновение растерянно посмотрел ему в глаза.

Му Цинли хотелось схватить его за воротник и спросить, что все это значит, сколько в его словах правды.

Спросить, скольким еще людям он говорил то же самое.

Но он заставил себя успокоиться и улыбнулся:

— Каждый раз, когда ты игнорируешь меня, а потом встречаешься, говоришь одно и то же. Слишком банально.

Е Фанчэн на мгновение умолчал.

— Еще немного цитат для обольщения? — прозвучал голос в голове.

— ...Ты настоящий мусор.

— ?

— Я...

— Ладно, закрой рот, лучше ничего не говори.

Му Цинли молча слушал их диалог.

Вдруг теплая рука коснулась его, и он разжал кулак, позволяя Е Фанчэну нежно поднести свою ладонь к губам. Движения Е Фанчэна были осторожными, словно он держал величайшее сокровище, боясь повредить его, и наконец его губы коснулись руки Му Цинли.

— Как ты можешь так думать? — голос Е Фанчэна был мягким и вкрадчивым, он умел обольщать. — В последнее время я был так занят, мне приходилось прикладывать усилия, чтобы не прийти к тебе.

Е Фанчэн смотрел на него с такой концентрацией, что в его персиковых глазах, стоило добавить капельку нежности, читалась невероятная преданность:

— Ты не знаешь, но каждую ночь, когда я закрываю глаза, ты озорно проскальзываешь в мои сны, смущая мой дух. Скажи, ты специально хочешь, чтобы я думал о тебе и не мог сосредоточиться на делах?

Му Цинли: «...»

— ...Блестяще, у тебя настоящий талант подлеца.

Е Фанчэн выглядел смущенным, и Му Цинли, почувствовав это, вдруг развеселился.

— Оказывается, все вы, мужчины, на это клюете, — раздался горделивый детский голосок.

Е Фанчэн, чье настроение стало еще более противоречивым, с недоверием посмотрел на Му Цинли.

Впрочем, главное, что он успокоился.

Отношения Е Фанчэна и Му Цинли еще не были официально признаны, поэтому он пригласил его лишь на совместный ужин, чтобы поговорить по душам.

Даже если их поведение выдавало чувства, выходящие за рамки дружбы, официально они оставались просто друзьями.

Однако Му Цинли заметил на столе вино, и Е Фанчэн то и дело пытался его напоить.

Му Цинли знал, что в этом теле он не отличается крепкой головой.

Заподозрив неладное, он решил притвориться пьяным, пока еще сохранял ясность рассудка, ссылаясь на то, что это тело быстро краснеет от вина.

Е Фанчэн уложил его на свою большую кровать.

Му Цинли внезапно ощутил легкое напряжение.

Такое развитие событий слишком напоминало подготовку к «бесчинствам после вина».

Он приоткрыл затуманенные глаза и молча посмотрел на Е Фанчэна, подыгрывая ему, мягко прошептал:

— Брат Фанчэн...

И снова он увидел в глазах Е Фанчэна странное смятение.

— Что дальше? — холодно спросил мужской голос в голове.

— По сюжету ты должен воспользоваться моментом и переспать с ним, чтобы потом, когда взойдешь на трон и бросишь его, он был еще более взбешен.

...?

Голова Му Цинли, которая до этого была слегка затуманена вином, мгновенно прояснилась, а сердце пропустило удар.

Что значит это замечание? Что значит «когда бросишь его»?

После первоначального шока Му Цинли охватил гнев.

— Ты же знаешь, я не могу так поступить, — ответил мужской голос, звучавший еще холоднее и отстраненнее, чем у Му Цинли.

— ...Ты что, импотент? Упускаешь такой шанс в каждом мире.

Е Фанчэн молчал, но внутренний голос серьезно оправдывался:

— Я не импотент.

Похоже, он был очень принципиальным.

Но Му Цинли, охваченный яростью от осознания того, что его маленький ученик, сменив оболочку, снова решил проверить тот же трюк с ним самим, ничего не заметил.

Вдруг мужчина, стоявший у кровати, наклонился, навис над ним и посмотрел взглядом, смысла которого он не мог понять.

Расстояние между ними стало пугающе малым, Му Цинли чувствовал теплое дыхание с легким запахом вина на своем лице.

— А-Ли, — снова позвал Е Фанчэн, глядя на него жгучим взглядом.

Если бы Му Цинли не слышал его диалога с детским голосом, он бы точно поверил в эту искреннюю нежность.

Му Цинли украдкой пошевелил рукой, спрятанной за спиной, и сжал кинжал, принесенный из дома Му.

Его глаза покраснели и увлажнились — то ли от вина, то ли от боли в сердце.

Кто же на самом деле его маленький ученик? Почему он постоянно перемещается между мирами и снова и снова ранит его, обманывая чувства? Неужели его радует видеть, как он страдает из-за него?

Му Цинли так сильно сжал рукоять кинжала, что побелели костяшки пальцев. В его движениях сквозила люта́я ненависть.

Еще ближе.

Му Цинли решил: как только Е Фанчэн приблизится еще немного, он нанесет удар.

Е Фанчэн действительно наклонился еще ближе, но в тот момент, когда Му Цинли собрался ударить, он снова услышал голос в его голове:

— ...Красивый. — В холодном, как металл, голосе прозвучало нечто похожее на нежность.

Эта заминка стоила Му Цинли шанса.

Е Фанчэн повернул голову, и его высокий нос случайно или намеренно коснулся шеи Му Цинли — неожиданное ощущение заставило того вздрогнуть.

Е Фанчэн, заметив эту дрожь, потемнел взглядом и опустил губы на его шею, оставляя легкие поцелуи.

Му Цинли впервые узнал, насколько чувствительно его тело: каждое прикосновение Е Фанчэна, легкое, как перышко, отдавалось в нем с необычайной четкостью. Теплая рука скользнула к его затылку, а поцелуи продолжали блуждать по шее и ключицам.

Только когда внезапная острая боль в голове прервала его оцепенение, он пришел в себя, но тут же почувствовал, как сознание начинает угасать.

...Черт.

Нерадивый ученик.

Когда Му Цинли снова пришел в себя, уже наступило следующее утро.

...Е Фанчэн все-таки его одурачил!

Солнечный свет просачивался сквозь тонкую бумагу окон, заливая комнату бледным золотом и отражаясь в растерянных глазах человека на кровати.

Прежде чем встать, он собрался с мыслями.

Хотя Е Фанчэн и говорил тому голосу, что не станет его трогать, но, зная его характер, ради их загадочного плана он вряд ли позволил бы ему уйти без последствий.

Му Цинли прислушался к ощущениям и понял, что он совершенно наг под одеялом.

Он усмехнулся про себя.

Маленький ученик слишком наивен, если думает, что может обмануть его, имитируя пьяную страсть, просто раздев его.

Му Цинли попытался встать, но его лицо исказилось от боли.

«?» Почему тело болит так, будто по нему проехала карета?!

Он с недоверием откинул одеяло и обнаружил, что не только все тело ноет, но и на коже видны следы недавней близости.

А внизу... там даже ощущалась саднящая боль.

Му Цинли резко сел на кровати, придерживая поясницу, и увидел Е Фанчэна, который сидел за круглым столом с мрачным видом.

Заметив движение, Е Фанчэн повернулся, его лицо выражало нерешительность.

Му Цинли смотрел на него с таким видом, будто мир рухнул.

— А-Ли, я... — глаза Е Фанчэна были красными, под ними залегли тени, словно он не спал всю ночь, а голос звучал ужасающе хрипло.

— Я хорош, правда? Видишь, он действительно поверил, что ты его «использовал». Это доказывает, насколько убедительны мои «доказательства», хи-хи.

Му Цинли: «?»

Е Фанчэн ничего не ответил вслух, зато детский голосок с обидой добавил:

— Чего ты добиваешься? Если бы все было по-настоящему, результат был бы тем же...

Му Цинли мгновенно успокоился, хотя кулаки зачесались.

Значит, это была имитация.

Этот детский голосок действительно кое-что может.

Му Цинли смотрел на Е Фанчэна, который выглядел так, будто совершил что-то ужасное и чувствовал вину, ожидая, что тот начнет оправдываться за прошлую ночь.

К удивлению, Е Фанчэн после короткой паузы протянул руку, взял что-то со стола и, покрутив перед его глазами, нерешительно произнес:

— А-Ли, почему у тебя было при себе оружие?

Это был тот самый кинжал, которым он хотел убить ученика.

Му Цинли невозмутимо объяснил:

— О, после того случая, когда мы с братом Фанчэном вышли из дома, я на всякий случай ношу с собой нож для защиты.

Е Фанчэн не ответил сразу, но Му Цинли услышал его внутренний голос, полный серьезности:

— Спрошу еще раз, уверен ли ты, что осколок Изначального духа Учителя не проявляет никакой активности?

Помолчав, он добавил:

— Есть ли вероятность, что сознание сохранило воспоминания?

— Обычно сознание пробуждается только тогда, когда собраны все осколки. К тому же сейчас перед тобой другой осколок, он не был в Мире совершенствования, так что воспоминаний оттуда у него быть не может. Что случилось? — недоумевал детский голос.

Е Фанчэн промолчал.

Он знал, что объяснение Му Цинли логично, но вчера, когда он поднял его с кровати и увидел выпавший кинжал, ему на мгновение показалось, что Му Цинли хотел его убить.

Даже самая романтическая атмосфера была разрушена этой мыслью.

Но этого не могло быть. Му Цинли в этом мире должен быть очень простым и доверчивым, он всем сердцем ему верил. Даже если бы он хотел его убить, это произошло бы только после того, как он был бы предан и раздавлен.

Как Учитель в прошлом мире.

При этой мысли Е Фанчэн потер виски, чувствуя головную боль.

На самом деле он до сих пор не до конца пришел в себя, ведь Мир совершенствования был тем миром, где он провел больше всего времени.

Более того, Му Цинли в том мире обладал характером, максимально приближенным к оригиналу: его взгляды, поступки, даже мимика — почти все было идентично. Если бы он не покинул тот мир, он бы почти забыл, что находится на задании.

Поэтому последнее предательство и допрос оставили глубокий след в его душе.

Словно он действительно был виновен в том, что предал его.

Хотя в глазах того Му Цинли все так и было.

В оригинальном сюжете мира совершенствования ученик Му Цинли всеми силами пытался сблизиться с ним и даже стать его даосским спутником ради своего «бамбукового коня» — младшего брата.

<http://bllate.org/book/22175/2310350>